

МАРИ КЛАРМОН

Любви
навстречу

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К47

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Maire Claremont

LADY IN RED

Перевод с английского *И.А. Франк-Каменецкой*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Fielding Agency и Andrew Nurnberg.

Клармон, Мари.

К47   Любви навстречу : [роман] / Мари Клармон ; [пер. с англ. И.А. Франк-Каменецкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 288 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-089035-4

Отец юной Мэри, герцог Данкли, — чудовище в человеческом облике. Этот жестокий негодяй не только убил свою жену, но и объявил дочь, единственную свидетельницу случившегося, безумной и заточил ее в сумасшедший дом. Однако Мэри чудом удалось бежать и найти приют в доме благородного молодого герцога Эдварда Фарли, который способен поверить ей, ведь он и сам в детстве стал свидетелем ужасного преступления. Постепенно дружба и доверие между Мэри и Эдвардом перерастают в любовь — страстное чувство, которое дает им силы вместе бросить вызов ужасному герцогу, объявившему на беглянку настоящую охоту...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Maire Claremont, 2013

© Перевод. И.А. Франк-Каменецкая, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-089035-4

Глава 1

Лондон, 1865

Леди Мэри, единственная дочь герцога Даннкли, стояла перед задней дверью одного из лондонских публичных домов, одного из многих, но для нее — совершенно особенного. Здесь, только здесь она могла получить последний шанс на спасение.

Конечно, нормальному человеку вряд ли пришло бы в голову искать спасение в столь гиблом месте, как бордель. Очевидно, такая мысль показалась бы ему дикой и даже кошунственной. Однако благодаря стараниям собственного отца Мэри давно не принадлежала к числу нормальных людей.

Ледяные капли косога дождя больно ударяли по костяшкам пальцев, а яркий газовый фонарь освещал неестественную белизну ее рук. Годы, проведенные в заточении, лишили Мэри всех красок жизни, так что осталась только мертвенная бледность. Несколько дней на воле тоже оказались непростым испытанием. От изнурительно долгой ходьбы и ночевок в придорожных канавах у Мэри невыносимо ныло и болело все тело. Едва держась на ногах, она взялась за начищенный до блеска медный молоток и ударила по красной отполированной двери.

Из-за нее почти тотчас же послышались шаги. Затем тихо скрипнули металлические петли, и дверь распахнулась.

Темноволосая девушка в белоснежном чепце молча оглядела Мэри с ног до головы. При виде убогого существа в замызганной юбке, грязном лоскутном покрывале вместо накидки да еще и с короткими кое-как обрезанными волосами карие глаза служанки чуть не вылезли из орбит. Она брезгливо скривила пухлые губы и с характерным выговором уроженки лондонского Ист-Энда произнесла:

— Послушайте-ка, шли бы вы отсюда, да поскорее. У нас тут не ночлежка для нищих попрошайек.

Мэри со вздохом прислонилась к дверному косяку. Теперь, когда она почти добралась до заветной цели, остатки сил предательски покинули ее.

— Пожалуйста, позвольте мне войти.

Холодный дождь перерос в настоящий ливень, который с ожесточением набросился на короткие темные пряди бедняжки — словно задался целью превратить их в сосульки.

Мэри съезжилась под натиском ледяной атаки. Вход в теплый дом казался ей райскими воротами, никак не меньше.

Девушка же, скорее всего судомойка или помощница кухарки, брезгливо поморщилась и собралась закрыть дверь.

О нет, только не это! Мэри рванулась вперед, пытаясь втиснуться в сужавшуюся щель дверного проема. Ей показалось, что служанка вот-вот грубо оттолкнет ее или вовсе прищемит дверью, но девушка, к счастью, замешкалась, и Мэри удалось упереться обеими руками в скользкую дверь, по которой стекали струи дождя.

— Умоляю вас... — прошептала она.

Служанка энергично тряхнула головой, приводя в движение оборки чепца, и проворчала:

— Сколько раз повторять?.. У нас тут приличное заведение. У нас только леди самого высокого пошиба.

Мэри заставила себя выпрямиться.

— Я и есть леди. Самая настоящая. И по рождению, и по воспитанию. — Она старалась говорить как можно убедительнее. — Но даже истинные леди порой переживают нелегкие времена.

Мэри сказала чистейшую правду. Когда-то на всем белом свете не было более изнеженного создания, чем дочь герцога Даннкли. Но те времена канули в Лету, а избалованная юная леди, изменившаяся до неузнаваемости, была всеми — или почти всеми — забыта.

— Я пришла издалека и... Прошу вас, позвольте мне увидеться с мадам Ивонн.

Служанка в нерешительности переступала с ноги на ногу и наконец пробурчала:

— А вы и впрямь говорите, как образованная... Но я не могу вас пустить. Мне не хочется потерять работу.

— Вы ее точно потеряете, если откажетесь меня впустить, — заявила Мэри; она чувствовала, что выдержка ей изменяет. Вместе с остатками сил ее стремительно покидало самообладание. После стольких бед не хватало еще тратить время на препирательства с прислугой у черного хода!

Мэри попыталась сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться, и надсадно закашлялась. Каждый вдох давался ей с трудом, отзываясь острой болью в груди.

— Тогда я постучу в парадную дверь, — пригрозила она, сдерживая кашель.

Служанка побледнела.

— Вы не посмеете!..

Мэри пристально посмотрела на нее, стиснув зубы.

— Мне нечего терять, — проговорила она, едва шевеля окоченевшими губами. — В отличие от вас, не так ли?

Упрямая девица собралась возразить, но затем, очевидно, что-то взвесив про себя, лишь фыркнула. Однако промолчала.

— Вы намерены и дальше держать леди под проливным дождем? — Мэри с вызовом вскинула подбородок.

Служанка покачала головой и отступила.

Мэри тотчас же переступила порог и оказалась в просторной кухне. Здесь было так светло, тепло и чисто, что она едва не вскрикнула от радости. Господи, как прекрасно! Словно она вдруг снова попала в родной дом. Родного дома у нее больше не было, но живое воспоминание о нем стояло дорогого, — даже если оно воскресло на кухне в борделе.

Мэри осмотрелась. В огромном очаге ярко пылал огонь. На плите красовались разнообразные горшки, кастрюли и сковородки. И там же посвистывал кипящий чайник.

А на длинном дубовом столе лежали морковь, картошка, репа, лук и другие овощи, приготовленные для чистки. Это было восхитительное зрелище, лучшее из того, что Мэри случалось видеть в последние годы. В те годы, которые прошли со дня смерти ее матери.

Широко раскрыв глаза, Мэри боялась моргнуть. Что, если это великолепие вдруг исчезнет как опиумный сон — яркий и мимолетный, существующий лишь в воспаленном воображении?

У огня, в мягком темно-коричневом кресле, свернулся клубком полосатый кот. Его шерсть лоснилась и блестела, а сам он тихо мурлыкал во сне. Мэри не могла припомнить, когда в последний раз видела обычного домашнего кота. Она куда больше привыкла к диким зверюгам, которые охотились на крыс и отчаянно шипели и царапались, если к ним пытались прикоснуться.

— Ну вот, мисс, а теперь... — Держась на безопасном расстоянии от Мэри, служанка пригладила шершавыми красными руками свой белый накрахмаленный фартук. — В общем... у меня полным-полно работы. Садитесь вон туда, — она указала на жесткую скамью в дальнем углу, — а я пошлю кого-нибудь наверх. — Девушка подозрительно взглянула на Мэри. — Какое имя назвать хозяйке?

— Никакое. — Мэри судорожно стиснула край мокрого лоскутного покрывал, заменявшего ей накидку. Никто не должен был знать ее имя. Даже ей самой не хотелось вспоминать его. — Просто передайте... что здесь дочь Эзме.

Служанка в недоумении пожала плечами.

— Что-то вы темните, мисс... Мадам Ивонн не нужны неприятности.

Мэри собралась с духом, припомнила, как когда-то обращалась к отцовским слугам, и с холодной любезностью осведомилась:

— Как вас зовут?

— Нелл.

Мэри кивнула.

— Так вот, Нелл, мадам Ивонн непременно захочет встретиться со мной. Извольте найти слугу и послать его с докладом к хозяйке.

Властность тона Мэри произвела должное впечатление, и Нелл, живо повернувшись, побежала вверх по узкой лестнице.

Очень медленно, словно слабая больная старуха, Мэри добрела до дальнего угла и опустилась на жесткую скамью с прямой спинкой и без подлокотников — не слишком удобное сиденье, но можно хотя бы просто сесть и не шевелиться. Хотя, конечно, было бы куда лучше устроиться рядом с котом, поближе к огню... платье и тонкое покрывало, украденные с веревки на какой-то ферме, промокли насквозь, и Мэри страшно замерзла, так что никак не могла унять дрожь. Ее глаза жгло от усталости, и она, сомкнув веки, тихонько вздохнула. Как все изменилось... Ведь эта девушка, Нелл, смотрела на Мэри словно на видение из потустороннего мира. А раньше слуги, глядя на нее, почтительно улыбались, ловили каждое ее слово и всячески пытались ей угодить.

Наверное, Мэри и прямь стала похожа на привидение. Но скорее на ведьму или огородное пугало. Во всяком случае — не на восемнадцатилетнюю дочь герцога.

Сквозь полудрему Мэри уловила какой-то шум. На лестнице, ведущей в кухню, раздавались приглушенные голоса и стук каблуков по ступеням.

Может, это шли слуги, чтобы вышвырнуть ее за порог?

Открыв глаза, Мэри вскочила и, забыв о стертых в кровь ногах, приготовилась к бегству. Могла

ли Ивонн прогнать дочь своей ближайшей подружки? Наверное, да. Жизнь научила Мэри: от людей можно ждать чего угодно. Никому нельзя полностью доверять. Достаточно вспомнить, как поступил с ней родной отец.

— Мэри! — раздался хорошо поставленный женский голос. Даже не голос, а дивный инструмент — глубокий, чарующий, предназначенный для того, чтобы ласкать слух мужчин и возбуждать в них греховные фантазии. — Мэри?.. — прозвучало снова, и превосходно настроенный инструмент дал едва заметный сбой от неподдельного душевного волнения.

Из груди Мэри вырвался прерывистый вздох. В ее душе внезапно возродилась надежда — давно забытое, бесплодное, запретное чувство.

— Ивонн? — произнесла она, теребя дрожащими пальцами свои мокрые грязные лохмотья.

Хозяйка стремительно вошла в кухню — и все вокруг будто померкло; в просторном помещении, казалось, едва хватало места для пышных юбок темно-лилового платья. Ивонн сверкала словно роса в лучах утреннего солнца. Тысячи радуг переливались у нее на запястьях, на шее и в волосах, украшенных брильянтами и аметистами. Мэри никогда еще не видывала такой торжествующей красоты. В отцовском доме она рассматривала с балкона нарядных светских дам, но ни одна из них не производила на нее столь оглушительного впечатления. Мэри казалось, что перед ней возник сияющий ангел, посланный ей во спасение.

Придержав широкие юбки, Ивонн остановилась в дверях и пришла в изумление; ее светло-зе-

ленные глаза расширились, а лицо исказила скорбная гримаса.

— Боже милостивый!.. — Прикрыв изящной ладонью ярко накрашенные губы, она смотрела на Мэри полными слез глазами. Потом тихонько вздохнула и сказала: — Как ты похожа на Эзме...

В детстве Мэри все с умилением называли точной копией матери, но она полагала, что с годами это сходство уменьшится. А уж теперь, когда она и вовсе превратилась в жалкую тень себя самой... «Как странно слышать такие слова», — подумала Мэри.

— Правда?.. — У нее перехватило дыхание. Мгновенно нахлынувшие воспоминания о матери согревали лучше всякого огня. — Неужели я действительно похожа на маму?

Ивонн кивнула и, не побоявшись испачкать платье, которое наверняка стоило целое состояние, приблизилась к девушке и заключила ее в объятия, благоухавшие розами и тонким ароматом пудры.

Мэри оцепенела, намертво вцепившись в свою мокрую «накидку». Ах, как ей хотелось откликнуться на ласковый порыв Ивонн, хотелось припасть к ней, обнять и разрыдаться. Но у нее уже не оставалось слез — все они были выплаканы в темной холодной камерке приюта для умалишенных, где всемогущий герцог Даннкли решил сгноить свою дочь. В результате все чувства Мэри умерли, вернее их уничтожили, но не смогли уничтожить главное — отчаянное желание уцелеть, выжить, спастись. И вот теперь, стоя в объятиях Ивонн, Мэри боялась пошевелиться. А вдруг все это — только сон, вдруг она сейчас очнется в придорожной ка-

наве где-нибудь между Йоркширом и Лондоном? Но было бы еще хуже, если бы она проснулась в приюте, на грязном кишасщем клопами соломенном тюфяке, под бдительным присмотром надзирателя...

Кроме того, Мэри боялась, что не выдержит и закричит. При любом прикосновении ее охватывал ужас. Три года к ней прикасались только гнусные жестокие чудовища...

— Чарлз! — Тут Ивонн отстранилась и жестом подозвала слугу. Ее плавные движения завораживали не меньше, чем прекрасное лицо. — Чарлз, Мэри очень слаба. Отнесите ее в мои апартаменты. Воспользуйтесь задней лестницей и позаботьтесь, чтобы вас никто не увидел.

Слуга опустил глаза, с грустью посмотрел на свои белоснежные перчатки и нахмурился.

— Но ведь я...

— Чарлз, сейчас же, — перебила Ивонн с царственным спокойствием Мадонны, сошедшей с живописного полотна. — И передайте кухарке, чтобы подала наверх бульон и бутылку вина. Доброе крепкое вино пойдет Мэри на пользу. — Она отошла в сторону, уступая слуге дорогу, и добавила: — Побыстрее, Чарлз. Действуйте.

Слуга почтительно кивнул и шагнул к Мэри.

В облике этого молодого человека не было ничего угрожающего — приятное добродушное лицо, аккуратно подстриженные светлые волосы, спокойные движения, но при мысли о том, что он может взять ее на руки, у Мэри потемнело в глазах. Не владея собой, она дико вскрикнула и прошипела:

— Не прикасайтесь ко мне...

Чарлз остолбенел, залился краской и дернулся — словно получил пощечину.

— Прошу прощения, мисс, но я всего лишь выполняю поручение мадам.

— Подождите, Чарлз. — На выразительном лице Ивонн тревога сменилась задумчивостью, а затем сочувственным пониманием. — Что ж, очевидно, Мэри хочет идти сама, — сказала она. — Полагаю, это вполне естественно, ведь Мэри — взрослая разумная девушка, не правда ли, дорогая?

Красивый голос Ивонн звучал ровно и вкрадчиво. Точно таким же тоном надзиратели в приюте говорили с новыми пациентками. Надзиратели... Мэри на секунду зажмурилась, отгоняя мысли об этих мерзавцах — воспоминания и о том, как они почти сразу же переходили от увещеваний к зверскому насилию.

— Так как же, Мэри? — Ивонн понизила голос почти до шепота. — Что для тебя лучше?

Мэри с трудом сосредоточилась. Что для нее лучше? Лучше всего было бы навсегда забыть о проклятом приюте! Но ее сейчас спрашивали совсем про другое...

— Я пойду сама. У меня хватит сил. Я справлюсь.

— Конечно, справишься, дорогая. А я буду рядом, и ты сможешь опереться на меня. — Ивонн снова к ней подошла и протянула руку, обильно украшенную драгоценностями. — Ну как, согласна?

Мэри в смятении опустила глаза. Она хотела ответить «да», — хотела, но понимала, что не стоило даже и пытаться. Люди причинили ей слишком

много зла. Три года она не доверяла никому, кроме Евы — девушки из соседней каморки в их приюте.

Покачав головой, Мэри ответила:

— Нет, я сама.

Ивонн опустила руку и печально улыбнулась.

— Что ж, хорошо. Тогда я пойду первая, а ты за мной.

Мэри молча кивнула и тут же подумала: «Интересно, послушаются ли меня сейчас ноги?»

— Чарлз, и еще нужно принести наверх горячую воду, — сказала Ивонн. Взглянув на Мэри, она добавила: — Много горячей воды, чтобы приготовить хорошую ванну для нашей дорогой гостьи.

Покончив с распоряжениями, хозяйка вынула из стоявшего на столе канделябра розетку с зажженной свечой и стремительно направилась к лестнице. «Дорогая гостья» осторожно, словно ступая по раскаленным углям, двинулась следом. Израненные ноги горели огнем. Кроме того, ей приходилось следить за каждым своим шагом, чтобы не задеть необъятный подол великолепного лилового платья Ивонн.

Они поднимались в полном молчании. И чем дальше они шли, тем сильнее сердце Мэри сжималась от безысходного одиночества. Тайны — одна опаснее другой — кружили над ней точно смертоносные фурии и не давали ей забыть, что ее жизнь висела на волоске. Они грозили оборвать этот волосок, если она их выдаст.

Поднявшись на верхний этаж, Ивонн, по-прежнему молча, повела Мэри по широкому коридору, где решительно все отливало золотом — золотые узоры вились по стенам, разбегались по

потолку и отражались в зеркалах. Большие зеркала в золоченых рамах тянулись по обеим сторонам коридора; в полумраке они напоминали череду стертых временем фамильных портретов, поверх которых зачем-то нарисовали одну и ту же картину: огонек свечи, статная дама в роскошном платье и какая-то маленькая скрюченная фигурка.

Стоп! Мэри остановилась, осторожно повернула голову и невольно ахнула, увидев в зеркале узкую маску с темными провалами вместо щек и глаз.

Ивонн резко повернулась, и свет свечи, упавший на лицо девушки, выхватил из темноты ее отражение.

— Нет, — прошептала Мэри. И в смятении повторила еще несколько раз: — Нет, нет, нет!

Она выглядела в точности так, как выглядела ее мать незадолго до смерти — исхудавшая, измученная, сломленная, с потухшим затравленным взглядом. Не отрываясь от зеркала, Мэри медленно провела ладонью по лицу, словно проверяя, ее ли оно. Да, все верно. И все совпадало. Такие же темные волосы, только короткие, такие же высокие скулы — наследство прабабки, французской виконтессы, — и такие же миндалевидные фиалковые глаза — подарок от другой прабабки, уроженки Кашмира. И это значило... О, выходит, ей только казалось, что она сильнее матери и может спастись вопреки злой воле отца. На самом деле он уже победил. Партия сыграна — дамы биты. Одна давно лежит в могиле, другая превратилась в живой труп.

— Мэри, дорогая... — послышался ласковый голос Ивонн. — Скажи, когда ты в последний раз смотрелась в зеркало?

Мэри вздрогнула, опустила руку и попыталась сосредоточиться.

— Я думаю... — Она внезапно умолкла. Ей вспомнились просторные комнаты лондонского особняка на Уолсли-стрит. Там было множество зеркал — даже больше, чем в этом золотом коридоре. И те зеркала застали то счастливое время, когда перед ними кружилась и прихорашивалась мать Мэри. А отец, вальяжно расположившись в кресле, курил сигару, потягивал французский коньяк и любовался своей прелестной женой.

Ивонн пристально посмотрела сначала на Мэри, потом — на ее отражение.

— Наверное, с тех пор прошло немало времени, правда?

— Да, немало, — ответила Мэри, по-прежнему не сводя глаз с зеркала.

— Ну... идем. — Ивонн отвернулась и прикрыла ладонью свечу. — Нам с тобой необходимо поговорить, но только не в коридоре.

Мэри осмотрелась и молча кивнула. Откуда-то доносился приглушенный смех, и слышались чьи-то шаги, тихим эхом разносившиеся по пустынному коридору. Мэри судорожно сглотнула. Она прежде никогда не бывала в «Шатрах Эдема», но знала от матери, что сюда часто навевались богатейшие мужчины Лондона. И многие из них наверняка были знакомы с ее отцом.

Ошеломленная этой мыслью, Мэри последовала за хозяйкой, и вскоре они добрались до высокой двери в конце коридора. Дубовые створки украшал искусно выполненный рельеф — на лоне природы обнаженные мужчина и женщина сплелись как две виноградные лозы.